ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ДЕКАБРЬ 2020 г. ● № 11-12 (285-286) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России

Готовился праздничный молодёжный номер. Уже был дан старт вёрстке, как вдруг пришло трагическое известие – скончался Александр Иванович Казинцев. Человек-эпоха, сорок лет отдавший служению русской литературе в журнале «Наш современник». Скорбели мы все. И скорбим…

Лавина интернет-публикаций со словами прощания прокатилась по сайтовым литературным изданиям. Настала очередь бумажных версий. Особую роль Александр Иванович играл в становлении молодых талантов. Строгий умный наставник, он уверенно вёл их по литературному пути к океану русской словесности. Скорбной памяти о наставнике посвящена большая часть нашего молодёжного спецвыпуска.

Вечная память Александру Ивановичу Казинцеву!

Валентина ЕРОФЕЕВА

Артём ПОПОВ

Должна жить надежда

Памяти Учителя – Александра Ивановича Казинцева

Невосполнимой утратой для русской литературы в этом году стала преждевременная смерть Александра Ивановича Казинцева – поэта, публициста, первого заместителя главного редактора журнала «Наш современник». Многие молодые – и уже не очень молодые – писатели и поэты по праву считают его своим Учителем.

В первые дни после трагической вести трудно было подобрать внятные слова, и мы держали боль в себе. Не хотелось в это верить. А мне всё вспоминалось и вспоминалось наше непродолжительное, но такое важное для меня общение с Александром Ивановичем.

В поздравительной открытке к Новому 2020 году набрался дерзости и назвал Александра Ивановича за его доброту Дедом Морозом. Да он и внешне был похож на него белоснежной бородой, румяными щеками и всегда искрящимся юмором. Не мне одному, разумеется, пришло на ум такое сравнение. Никакое добро не исчезает без следа, а рождает новое. Уверен, что всё лучшее, заложенное Александром Ивановичем Казинцевым в душах его учеников, продолжится на Земле. «За всё добро расплатимся добром, за всю любовь расплатимся любовью».

Остаётся благодарить судьбу за то, что Александр Иванович встретился на моём пути. Подумать только: в 1981 году он уже пришёл в легендарный «Наш современник», а мне тогда исполнился лишь год! А в конце 90-х я уже студент филологического факультета и готовлюсь к семинарам по статьям и произведениям «Нашего современника».

Не скрою, и тогда и сейчас журнал во многом близок мне по духу. Поэтому на Всероссийском совещании молодых литераторов СПР в 2019 году напросился именно к Александру Ивановичу. И эта встреча определённо стала поворотом в моей судьбе.

Помню в деталях наши занятия. Кажется, руководитель меня сразу выделил в группе. «Вы не в Союзе? Вам надо…». Когда другие критиковали – защищал: «Давно я не плакал после чтения молодых авторов. У вас поразительно тёплые очерки. Пишите, они у вас получаются… Очерк – достойный жанр. И перечитайте Солоухина». Забегаю вперёд скажу, что на обложке моей книги «Избачиха» навсегда остался его добрый отзыв.

Казинцев внимательно читал все наши рукописи, карандашиком подчёркивал удачные места, оставляя на полях восклицательные знаки и комментарии. Я сохранил эти листочки.

Есть у меня очерк, где, не стесняясь, признался, что слёзы сами текут, не останавливаясь, когда слушаю магнитофонную запись с голосом бабушки, которой уже нет 30 лет. Обсуждая этот текст, девочки на семинаре заулыбались. «Не надо стесняться слёз. Слёзы – это настоящее», – тихо сказал тогда Учитель.

Александр Иванович большое внимание уделял языку произведений: ведь литература – это прежде всего язык. Подчёркивал народные слова, доставшиеся нам по наследству от бабушек-дедушек: «говаривала», «пастушил», «попроведать», «разломаюсь», «спитё»… Но диалектизмов, подчеркивал, как и других специфических слов, должно быть в меру. Навсегда запомнил простое правило: прозу делают живое слово и деталь. Из советов наставника можно написать не одну книгу для начинающих писателей.

Он радовался, когда на занятиях между нами разгорался нешуточный спор: нет ничего хуже, если рассказ не вызывает эмоции, проходит незаметной тенью.

Когда Александр Иванович объявил итоги семинара, кто-то недобро бросил: «Ну вот, опять вы своих деревенщиков продвигаете!». На что он примиряюще ответил: «Ну что вы, что вы! Порадуйтесь за других. Талант должен быть щедрым». Он сам, казалось, получал удовольствие от наших маленьких успехов, огорчался, если что-то не получалось. Александр Иванович был принципиален: если написано плохо, он так и говорил. Но мягко, образно, а нам хотелось сгореть от стыда и поскорее всё поправить, чтобы соответствовать выставленной им высокой планке.

На семинарах Александр Иванович вспоминал Валентина Распутина, Василия Белова, Вадима Кожинова и многих других классиков русской литературы и литературной критики, с кем он много общался. Казинцев стал связующим звеном между нами, начинающими авторами, и ими – уже классиками русской литературы. Он осуществлял преемственность, передачу традиций. Жалею, что не записывал на диктофон наши семинары. Ничтожно мало осталось и видео с Александром Ивановичем, телепрограмм с ним. Как публициста Александра Казинцева после середины 1990-х нельзя было увидеть на центральных телеканалах: он говорил бы то, что слышать там не хотят.

Но, конечно, остались его книги. Достаточно перечислить некоторые из них: «На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство» (2004), «Возвращение масс» (2010), «Имитаторы. Иллюзия «Великой России»» (2015), чтобы понять – действительно, не место умному, неподкупному человеку на сегодняшнем телеэкране.

В одном из последних интервью Андрею Тимофееву Александр Иванович с надеждой говорил: «Всё зависит от наших усилий. Я много лет бьюсь, доказывая: решающий фактор – самоорганизация масс. А мне в ответ: да что мы можем сделать? Синдром выученной беспомощности страшнее всего. К счастью, появляются первые признаки социального пробуждения: самоорганизация в Екатеринбурге, Шиесе, Хабаровске. За будущее надо бороться».

Великим борцом, Прометеем в первую очередь он был сам. И сгорел раньше срока… А как острая публицистичность удивительно совмещалась с его тонкой лирикой?! Мало, незаслуженно мало наше поколение знает Казинцева как поэта! Его новая книга стихотворений «Сила земли», которую он очень ждал, вышла в свет на следующий день после смерти…

Учитель и после ухода продолжает объединять: в социальных сетях прочитал благодарные слова неизвестных мне молодых писателей о том, сколько для них сделал Александр Иванович. Он искал способную молодёжь не только на семинарах СПР в Химках, но и на семинарах Фонда Филатова в Липках. Не будет преувеличением сказать, что Александр Иванович – собиратель молодой талантливой литературы России. И как находил время, силы для всех нас? Он вёл авторов, не только публикуя их в «Нашем современнике», но и говоря о них в своих интервью, инициируя отзывы других критиков.

Первая моя статья вышла именно в «Нашем современнике»: я писал о «деревенской прозе» нового поколения, отбивался от нападок в том, что мы «вторичны» и «паразитируем» на темах, начатых Беловым, Абрамовым, Распутиным. Некоторые критики почему-то отказывали нам в продолжение заложенных классиками традиций, вообще в нужности описания гибели русской деревни сегодня. Александру Ивановичу показалось, что я мало назвал в статье имён, разве что упомянул сибирского автора Андрея Антипина да вологодского прозаика Наталью Мелёхину. Попросил привести и другие имена: «Вы должны держаться вместе, чувствовать плечо товарища». Прав он, тысячу раз прав: один прутик слаб, его можно сломать, а веник – сложнее.

На второй день многочасового семинара, проходившего в феврале 2020 года в Химках, Александру Ивановичу явно нездоровилось. Коллега по «Нашему современнику» Яна Сафронова предложила закончить занятие. Руководитель ответил: «Нет-нет, всё хорошо, выслушаем всех до конца». Ребята приехали издалека, он не мог подвести, и снова его речь лилась спокойной рекой. Когда требовал момент, голос был подобен звуку горных перекатов. После его анализа сложно было уже что-то добавить, кроме благодарности.

Летом, как только схлынула первая волна пандемии, я дозвонился до редакции «Нашего современника»: «Александр Иванович, берегите себя!». А он, как всегда, отшутился и заговорил о моей статье… О себе он думал в последнюю очередь.

Почему-то в этом году рано отправил подарок к Новому году для Александра Ивановича – половички, связанные сельской мастерицей. Хотел заранее создать праздничное настроение. Знал, что он любит русскую деревню, всё настоящее, сделанное с душой. Александр Иванович не успел получить скромный подарок…

А я всё вспоминаю наши семинары, его слова, адресованные молодым писателям: «В каждом вашем произведении должен быть свет. Не холодный неоновый, а от сердца, тёплый. После прочтения должна оставаться надежда. Пусть это будет лучик надежды». Вера, Надежда, Любовь для него, как воцерковлённого человека, были жизнеутверждающими понятиями.

Смотрю на одну из последних фотографий Александра Ивановича, которую взял у моего друга, вологодского писателя Дмитрия Ермакова. В конце ноября они вместе открывали в Белозерске, на родине редактора «Нашего современника» Сергея Викулова, первый в России музей литературного журнала. Дмитрий Ермаков вспоминает: Александр Иванович искренне, как ребёнок, радовался этой прогулке – в валенках, по свежему снежку, по древнему Белозерску… На снимке он, как обычно, по-доброму улыбается. Светлый человек. Таким его и запомним.

г. Северодвинск

Александр Иванович Казинцев с литературными воспитанниками

Александр КАЗИНЦЕВ

«В минуты роковые...»

Беседовал Андрей Тимофеев

– Александр Иванович, зимой исполнится сорок лет с того момента, как вы начали работать в журнале «Наш современник». Какие чувства испытываете, оглядываясь назад?

– Мы с журналом почти ровесники. Я на три года старше. Родился в 1953, а журнал выходит с 1956-го. Сорок лет, что я работаю в «Нашем современнике», – это бóльшая часть моей жизни. Но и бóльшая часть истории журнала.

Сказать, что ощущаю сопричастность, – ничего не сказать. Не сопричастность, а сроднённость, глубокую вовлеченность в жизнь журнала, его историю, а через нее в историю страны. «Наш современник» – во всяком случае на моей памяти – не ограничивал себя литературной повесткой. Он был органом направления, которое сам же и создавал.

Сейчас заговорили о «русской партии». Пытаются отыскать ее в КПСС. Чушь! Коммунисты строго следили за чистотой рядов, хотя к восьмидесятым идеология выдохлась, как старые духи. Любое отклонение от партийной линии было бы выявлено, разоблачено, изничтожено. «Русской партией» был «Наш современник».

Горжусь, что в 80-90-е участвовал в битве за судьбу страны.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель.

– Расскажите, какими были ваши первые дни в журнале. Было ли что-то за это время, о чем сейчас жалеете? Какими достижениями и публикациями за это время особенно гордитесь?

– Признаюсь, я шел в журнал с опаской. За плечами было издание неподцензурного альманаха «Московское время». Я собирал его вместе с друзьями: Александром Сопровским, Сергеем Гандлевским, Бахытом Кенжеевым, Алексеем Цветковым, Михаилом Лукичевым. Не сказать, что мы были диссидентами, но к советской печати относились так же, как профессор Преображенский из «Собачьего сердца». Кстати, точно так же я отношусь к нынешнему официозу.

И вот я сотрудник советского издания! В «Наш современник» меня рекомендовал Вадим Кожинов. Но прежде чем представить меня своему другу Юрию Селезневу, только что назначенному первым заместителем главного, он долго беседовал со мной. Вадим Валерианович умел убеждать.

Через несколько дней после моего прихода состоялось партсобрание. В партии я не состоял. Позже был единственным беспартийным куратором «идеологического блока». Но на собрание загоняли всех. Сижу, слушаю. А говорят о том же, о чем мы с друзьями на кухне. О тех же неурядицах в жизни страны. Да, под другим углом зрения: без вольнодумной насмешки. С болью. Но ведь и мы с друзьями насмешничали, потому что чувствовали боль.

О чем жалею? Это тоже из впечатлений первого года: скандал, разразившийся после публикации ноябрьского номера со статьей Вадима Кожинова «И назовет меня всяк сущий в ней язык». Немарксистская трактовка истории!

Селезнева, подписавшего номер, уволили. А журнал лишился не только отличного организатора (Юрий Иванович проявил себя, возглавляя редакцию «ЖЗЛ») и талантливого критика, но и идеолога нового типа, который мог бы стать лидером патриотического движения в перестройку. Результат – несколько потерянных лет и упущенная инициатива в идеологической борьбе на рубеже девяностых.

– Когда человек отдает существенную часть жизни одному изданию или проекту, зачастую он как бы полностью растворяется в нем. Когда мы говорим «Александр Казинцев», мы подразумеваем «Наш современник». Насколько вы сами внутренне разделяете себя как критика, публициста и поэта и себя как многолетнего сотрудника журнала?

– Трудный вопрос. «Наш современник» – народный журнал. Но это не только политика редакции – это мой собственный выбор. Он меня нисколько не смущает, не ущемляет моих интересов.

Однако нельзя все время только и делать, что «служить народу». Так можно превратиться в профессионального патриота – из тех, которые на вопрос: «Что делаешь?» – отвечают: «Родину люблю». У человека должно быть за душой что-то еще помимо «генеральной линии».

У меня таким «еще» были мои истоки, как сейчас говорят, «бэкграунд». Поэзия, издание «Московского времени», дружба с Арсением Тарковским. Я ездил на студенческую конференцию в Тарту к Юрию Лотману, ходил на психфак МГУ слушать лекции Мераба Мамардашвили.

Когда я пришел в «Наш современник», поэтесса Татьяна Полетаева упрекала меня, что я не печатаю друзей в журнале. Интересно было бы посмотреть, как я предлагаю кенжеевский цикл «Стихи управдома Иванова» Сергею Викулову, тогдашнему главреду «НС». Но только со стороны. Взгляд от первого лица был бы слишком рискованным.

Необдуманных поступков я не совершал. Но и от своего багажа не отказывался. В 1983 году в «Нашем современнике» появилась моя статья о молодой поэзии «Поиск пути», где в качестве образца я цитировал стихи Александра Сопровского. В том же году в «Вопросах литературы» вышла моя статья «Я наблюдал, боготворя…» о поэзии Бориса Пастернака, Анны Ахматовой. Тогда они были еще под подозрением. История публикации напоминала детектив: сотрудники редакции пошли на обман высокопоставленных членов редколлегии – замминистра культуры Юрия Барабаша и директора Института мировой литературы Георгия Бердникова, не принявших статью.

Я имел неосторожность похвалиться этим в нашем журнале. Заведующий отделом критики, которому я показал только что вышедший номер «Вопросов литературы», доложил главному. Викулов вызвал меня на ковер. Я не стал юлить и сказал, что считаю Пастернака и Ахматову выдающимися поэтами. Если мои взгляды противоречат позиции редакции, готов написать заявление об уходе. Сергей Васильевич, офицер Великой Отечественной, был известен крутым нравом, но ценил прямоту и честность. Он оставил меня в журнале.

Я не стыдился своих взглядов. В этом меня поддерживал Вадим Кожинов, считавший «искус вольнолюбия» моим преимуществом. Думаю, некоторая «инакость» полезна для общего дела. В отличие от ортодоксальных коллег, я имел возможность взглянуть на предмет обсуждения с разных сторон, что придавало оценке объективность. Я ценил произведения не потому, что они «наши», а потому что они обладают очевидными художественными достоинствами.

Конечно, «Наш современник» сильно повлиял на меня, уточнив, а в чем-то изменив мои взгляды. Но и я в течение этих сорока лет влиял на позицию журнала. В частности, я пригласил в «НС» академика Игоря Шафаревича, Александра Панарина, Ксению Мяло, Юрия Бородая, независимых интеллектуалов, чьи взгляды сильно отличались как от официальных, так и от ортодоксально-патриотических.

Академик Шафаревич любил повторять: «Человек начинается со слова “нет!”». То есть с решимости отстаивать свой выбор в противовес навязанному извне. Я бы добавил: начинается со слова «нет!», но окончательно оформляется как личность, произнося слово «да!», утверждая положительные идеи и ценности. Как бы то ни было, и сам Игорь Ростиславович, и Ксения Мяло, и Александр Панарин, и Юрий Бородай свой выбор сделали. Причем в самый трудный для патриотов момент, когда встать рядом с нами означало подвергнуться травле. А ведь могли бы, подобно другим «властителям дум», козырять былой оппозиционностью, обменивая ее на места в новом парламенте, премии, внимание прессы. Но даже мысль подобная не возникала. Они действительно умели сказать «нет!».

К сожалению, наши оппоненты из числа либералов старательно не замечают разницы между кондовыми патриотами и выдающимися интеллектуалами из патриотического стана. Мажут всех одной краской, не желая вступать в содержательную полемику, которая могла бы оживить нынешнюю ситуацию в культуре.

– 80-е и 90-е годы были временем активной общественной борьбы, когда писателей разделяли не столько эстетические, сколько политические убеждения. Насколько остро стоял для вас вопрос о «своих» и «чужих»? Есть ли сейчас в литературном процессе «свои» и «чужие»? И, если есть, насколько остро это противостояние?

(Окончание – стр.3)

Андрей ТИМОФЕЕВ

Михаил Лобанов о художественном образе

К 95-летию критика, публициста и теоретика литературы

Мы часто воспринимаем литературных критиков прошлого как застывшие фигуры. В памяти остаются две-три мысли или неясный образ. Тогда как их наследие может многое сказать нам не о прошлом, а о настоящем. Обратишься к нему и поймёшь, что велосипед изобретён и что современные проблемы литературного процесса теоретически уже вполне решены.

17 ноября исполнилось бы 95 лет Михаилу Лобанову, критику, публицисту, теоретику литературы, уделявшему большое внимание проблеме художественного образа.

Художественный образ – одна из важнейших эстетических категорий двадцатого века. В России она интересовала сначала символистов (Андрей Белый, Вяч. Иванов), отталкивающихся от потебнианской концепции образа как «внутренней формы слова». Затем формалистов, сводивших значение поэтического образа к приёму, «равному по задаче другим приёмам». В полемике с теми и другими Михаил Бахтин разрабатывал в середине 20-ых годов поэтику, в которой волевая активность автора направлена не на материал (собственно сам язык) и не на формальные приёмы построения текста, а на содержание. Образ понимался Бахтиным как «оформленный момент содержания».

Проблема «художественного образа» вновь оказалась в центре внимания в 60-ых годах. В.В. Кожинов, П.В. Палиевский, Г.Д. Гачев, И.Б. Роднянская и другие крупные исследователи изучали, из каких компонентов состоит образ и как он «работает», как происходит в нём «приращение смысла», через какие трансформации образ проходил в истории. Эти работы в целом были выполнены «в духе» Бахтина: содержательность формы (а значит, неразрывная связь художественного образа с содержанием, а не только с языком или формальным приёмом) в то время была вполне очевидна.

Однако связь «содержательности содержания» с полнокровностью образа полноценно исследована было именно Лобановым (например, в статьях «Образ и схема», «Язык и характер», «Бессильная красота», «Мера художественности» и т.д.). Содержание в учении Лобанова не представляло собой нечто нейтральное, нуждающееся «всего лишь» в воплощении в форме. От «качества» содержания напрямую зависела «мера художественности». Образ оценивался Лобановым не сам по себе и не в смысле решения отдельной эстетической задачи, а по тому, насколько была сконцентрирована в этом образе суть явлений и процессов жизни. Соответственно, если образ содержал в себе лишь указание на явление, можно было говорить о его «интеллектуализации» или «эстетизации».

Лобанов показывал, как сама жизнь концентрируется в «образ». Вот один знакомый вспоминает, как в войну стоял в очереди за хлебом: *«выстраивались ещё с вечера, а к утру образовывалась целая цепь. Надо было намертво держаться друг за друга, но очередь обрывалась, отцепившийся человек хватался в испуге не за того, от кого оторвали, а за последнего из хвоста – очередь превращалась в замкнутый круг… мороз, темно, двигались, думая, что очередь приближается, а на самом деле это было кружение впустую вокруг дома»*. И никакие рассуждения о цене хлеба в войну не заменят страшной наглядности этой картины. А вот дочь говорит своей пожилой матери: *«Ты, мама, собирай деньги себе на похороны, на меня не рассчитывай»*, и никакой роман не добавит ничего нового к характеру этой заботливой дочери. Так ещё даже не в литературе, а в самой жизни возникают вдруг моменты концентрации жизненного содержания – так «рождается» образ.

А далее, уже внутри художественного произведения, вещественность сконцентрированного бытия разрастается от частной детали до целостности. Лобанов показывал это на примерах из произведений студентов Литературного института, классиков и современных ему крупных писателей (Платонова, Пришвина, Леонова и др.) Особенное внимание уделял проблеме «исчерпанности материала»: *«не просто обозначение мыслью того содержания, которое таится в ситуации, а как бы перенесение его эквивалента в художественное произведение»*. Так с одной стороны жизнь кристаллизуется у Лобанова в образ. А с другой стороны художественный образ не просто изображает жизнь, а становится как бы самой жизнью в концентрированном виде.

Почему это важно для нас сейчас?

В современной литературе возрастает интерес к нон-фикшн; по-прежнему большое место занимает «я-проза»; в поэзии завоёвывает (иногда довольно агрессивно) право на существование весьма специфическое явление, связанное с проговариванием травм и т.д. С одной стороны – критика таких текстов вызывает возмущённый отпор: ведь Старобинец и Прилепин «сами всё пережили», а Рымбу «такая несчастная». С другой стороны – нельзя и огульно исключать эти тексты из пространства художественной литературы (оставляя им актуальность, искренность, но сразу отказывая в художественной ценности).

И здесь теория лобановского образа как концентрации бытийного содержания приходит на помощь. Смог автор сказать о своей травме так, чтобы в этих словах «исчерпать» эту часть жизни, смог описываемую действительность «сжать» до её сути в образ – мы будем ценить его как художника. Остался в поле самопрезентации и личного опыта – что ж, кому-то и дневник одноклассницы будет интересен.

В этом смысле и у Старобинец, и у Прилепина, и даже у Рымбу в их автобиографических текстах есть попытки художественной образности. Когда Старобинец рассказывает нам о больничной уборщице, не пустившей беременную героиню в туалет без бахил, она старается воплотить в этом образе суть бездушной отечественной медицины. Когда Прилепин пишет об отце, спасшем ребёнка из проруби ценой своей жизни, он в этом образе пытается показать нам суть деятельности Александра Захарченко на посту главы ДНР. Однако оба говорят не столько о мире, сколько о собственном лирическом герое и его взгляде на мир. В итоге мы не получаем снимок, на котором кристаллизовались явления жизни, а узнаём лишь об особенностях камеры, рассматривающей жизнь сквозь призму жалости к себе. Для Рымбу же жалость к себе вообще является основной действующей силой, бьющимся нервом её стихотворений. А всё, что лирическая героиня видит вокруг себя, это люди, которым есть до нее дело, да и те являются лишь расхожими штампами (государство, родители, незнакомые мужчины, православные батюшки, у которых под рясой погоны, а на рясе кровь и т.д.).

Личный опыт страданий или восприятия тех или иных событий может быть важен и интересен читателю. Просто опыт в данных текстах не концентрируется в образ, а значит – нет здесь и художественной литературы.